

ПРАВО ДЫШАТЬ

РОМАНТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская

Право дышать

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Право дышать / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Я спасла ему жизнь, а он сделал мне предложение, от которого нельзя отказаться. Фиктивный брак на год в обмен на лечение моей сестры. Матвей Гордеев — генерал, привыкший командовать. Я — студентка-медик, которая не умеет подчиняться. Он — лед. Я — огонь. Мы должны были просто играть свои роли. Но что делать, если его прикосновения обжигают, а сердце замирает от одного взгляда? Что делать, если игра зашла слишком далеко, а любовь не предусмотрена контрактом?

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не по плану	5
Глава 2. Визит	8
Глава 3. Три дня	12
Глава 4. Новая жизнь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Право дышать

Глава 1. Не по плану

Дождь хлестал по лицу, превращая мир в размытую акварель.

Я бежала через парк, прижимая к груди пакет с лекарствами для Сони. Часы показывали половину двенадцатого ночи. Аптека на другом конце города работала круглосуточно, и это был мой единственный шанс сбить сестре температуру до утра. Денег на такси не осталось — всё ушло на антибиотики.

Дурацкий каблук подвернулся на мокрой брусчатке. Я вскрикнула и полетела вперед, выставив руки. Колени обожгло болью, пакет отлетел в сторону. Слезы сами брызнули из глаз — не столько от боли, сколько от бессилия и усталости.

А потом раздался выстрел.

Звук был резким, хлестким, совсем не таким, как в кино. Я инстинктивно вжалась в землю, сердце бухнуло где-то в горле. Ещё выстрел. И ещё.

Тишина. Только дождь барабанит по листве.

Я подняла голову и увидела его.

Мужчина лежал на асфальте метрах в десяти от меня, возле черного внедорожника с распахнутой дверцей. В свете фонаря блестела лужа, и она была слишком темной для воды.

— Твою мать, — прошептала я, поднимаясь на дрожащих ногах.

Инстинкт самосохранения орал: «Беги, дура!» Но медицинский рефлекс оказался сильнее. Я подхватила пакет и, прихрамывая, бросилась к мужчине.

Он был в форме. Высокий, широкоплечий, с коротким ежиком темных волос. Кровь пропитала китель на груди и продолжала растекаться. Лицо бледное, но в сознании. И взгляд... Я никогда не видела таких глаз. Стальных, холодных, абсолютно спокойных. Он смотрел на меня, как на уравнение, которое нужно решить.

— Вы ранены, — выдохнула я, падая рядом на колени. — Не двигайтесь.

— Уходи, — его голос прозвучал неожиданно твердо для человека с дыркой в груди. — Они могут вернуться.

— Заткнитесь и не мешайте, — рявкнула я, уже разрывая пакет.

Внутри, кроме лекарств для Сони, лежал мой экзаменационный набор для отработки швов — бинты, спиртовые салфетки, перчатки. Я схватила бинт, прижала к ране. Кровь сразу пропитала марлю, потекла по пальцам. Черт, как сильно...

— Скорая будет через семь минут, — произнес он все тем же тоном. — Я уже нажал тревожную кнопку.

— За семь минут вы истечете кровью, — огрызнулась я, надавливая сильнее. — Я студентка медицинского. Доверьтесь мне.

Он хмыкнул. Хмыкнул! С пулей в груди!

— Давно мне не предлагали довериться студентке в темном парке.

— А давно вас подстреливали в темном парке? — не осталась я в долгу.

Его губы дрогнули — не то усмешка, не то гримаса боли.

— Держите руку, — скомандовала я. — Прижмите здесь. Сильно. Мне нужно осмотреть, задета ли артерия.

Его ладонь накрыла мою. Большая, горячая, с длинными пальцами. Наши взгляды встретились. В его глазах что-то мелькнуло — удивление? интерес? — но сразу исчезло, сменившись привычной сталью.

Я работала быстро, как учили. Разрезала китель, обработала края раны. Пуля прошла навылет, это было видно по входному и выходному отверстию. Хорошо — значит, не застряла в легком. Плохо — кровопотеря уже критическая.

— Как ваше имя? — спросила я, чтобы не дать ему отключиться.

— Гордеев. Матвей Андреевич.

— Алиса, — представилась я, перевязывая рану. — У вас пробито межреберье, но легкое, кажется, не задета. Вам повезло.

— Я заметил, — сухо ответил он.

Где-то вдалеке завывала сирена. Я выдохнула с облегчением — скорая действительно ехала.

— Всё, — я затянула последний узел. — До больницы доживете. Если не будете героизировать.

— Спасибо, Алиса, — его голос стал тише. Веки тяжелели. — Ты смелая девочка.

Он закрыл глаза.

— Эй! Эй, Гордеев! — я легонько хлопнула его по щеке. — Не спать! Смотрите на меня!

Он с трудом разлепил веки. И в этот момент я увидела в его взгляде что-то еще. Что-то темное, глубокое, почти... голодное. Он смотрел на меня так, будто запоминал каждую черточку.

Мимо пронеслись тени. Чьи-то руки оттащили меня от него. Люди в черном, люди в белых халатах. Меня оттеснили, кто-то что-то спрашивал. Я отвечала на автопилоте: «Огнестрельное, выходное отверстие слева, кровопотеря около литра, пульс нитевидный...»

Его уносили на носилках. Я стояла под дождем, перепачканная его кровью, и смотрела, как захлопываются двери скорой.

— Девушка, пройдемте с нами, — передо мной вырос человек в штатском, но с явной военной выправкой. — Нужно снять показания.

— У меня сестра дома, — пробормотала я. — У нее температура.

Он нахмурился, но кивнул:

— Вас отвезут. И... спасибо. Вы спасли очень важного человека.

Я только отмахнулась. Меня трясло — то ли от холода, то ли от пережитого шока. Подобрала с земли пакет с лекарствами, прижала к груди.

В кармане завибрировал телефон. Соня.

— Алиса, ты где? — детский голосок дрожал. — Мне страшно одной...

— Еду, малышка. Уже еду. Ложись, я скоро буду.

Я села в машину к человеку в штатском и закрыла глаза. Перед внутренним взором всё еще стояли его глаза. Стальные. Холодные. И что-то в их глубине, чему я не могла подобрать названия.

Я тогда еще не знала, что этот человек перевернет мою жизнь.

И уж точно не знала, что наша следующая встреча произойдет гораздо раньше, чем я могла представить.

Глава 2. Визит

Три дня.

Три дня я пыталась убедить себя, что та ночь мне приснилась. Дождь, выстрелы, кровь на руках — всё это казалось сценой из фильма, который я случайно посмотрела перед сном.

Но саднящие колени и синяк на бедре напоминали: это было по-настоящему.

О нем я старалась не думать. Выжил? Не выжил? Фамилию его я запомнила — Гордеев — но гуглить побоялась. Если человек из ФСБ, вряд ли его биография выложена в открытом доступе. Да и зачем мне? Спасла, передала врачам, свободна.

Так я думала.

Пока в нашу дверь не позвонили.

Я как раз варила Соне куриный бульон — температура у сестры спала, но слабость еще держалась. На плите булькало, в квартире пахло укропом и детским жаропонижающим. Я вытерла руки о полотенце и пошла открывать, ожидая увидеть соцработника или курьера.

На пороге стоял он.

Гордеев.

Живой. Целый. В гражданском — черная водолазка, серое пальто, накинутое на плечи поверх повязок. Бледный, под глазами тени, но стоит прямо, как штык. За его спиной маячили двое — тот самый «человек в штатском» и еще один, поздоровее.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Вы... вам нельзя вставать! У вас ранение, вы должны быть в больнице!

— Добрый день, Алиса, — его голос звучал точно так же, как в ту ночь — спокойный, с легкой хрипотцой. — Пригласите войти?

— Вообще-то нет, — я инстинктивно загородила проход. — У меня сестра болеет, мне некогда принимать гостей.

Человек за его спиной — тот, что был в парке — тихо хмыкнул. Гордеев бросил на него короткий взгляд, и хмыканье моментально стихло.

— Это ненадолго, — произнес он, и в его тоне мне послышалось что-то, от чего мурашки побежали по спине. Не угроза, нет. Скорее... обещание.

Я посторонилась.

Он вошел один. Охрана осталась за дверью.

В моей крошечной прихожей он казался неуместно огромным — заполнил собой всё пространство, заставив стены сжаться. Я вдруг остро осознала, что на мне старые джинсы с дыркой на колене и растянутая футболка с надписью «Сонный парамедик». Волосы собраны в тот самый небрежный пучок, из которого вечно всё выбивается.

А он... он был как с обложки. Даже раненый. Даже с тенями под глазами.

— Чаю? — спросила я, просто чтобы что-то сказать.

— Нет, спасибо. Я по делу.

Он прошел в кухню — прошел, не дожидаясь приглашения, по-хозяйски. Остановился у плиты, посмотрел на булькающий бульон.

— Сама готовишь?

— Вообще-то это допрос? — я скрестила руки на груди. — Вы пришли выяснить мои кулинарные способности?

Он обернулся. И снова этот взгляд — изучающий, цепкий, проникающий под кожу.

— Я пришел поблагодарить, — сказал он. — Ты спасла мне жизнь.

— Я оказала первую помощь. Это моя будущая профессия.

— И все же.

Он достал из кармана пальто конверт. Плотный, белый, без марки. Положил на стол.

— Здесь сумма. Достаточная, чтобы закрыть твои долги и обеспечить лечение сестры на год вперед.

Я замерла. В груди что-то сжалось — не то обида, не то гордость.

— Вы навели обо мне справки?

— Разумеется.

— И решили, что я нуждаюсь в благотворительности?

— Я решил, что долг нужно отдавать.

Я посмотрела на конверт. На секунду — всего на одну жалкую секунду — мне захотелось его схватить. Соня, ее лечение, бесконечные счета... Но что-то внутри упрямо взбунтовалось.

— Заберите, — сказала я тихо. — Я не за деньги вам помогала.

Он не шелохнулся.

— Знаю. Поэтому и пришел лично. Садись, Алиса. Разговор будет долгим.

— А если я не хочу разговаривать?

— Тогда я уйду. Но ты выслушаешь. Потому что это касается не только меня.

Я колебалась. Потом села — на самый край стула, готовая в любой момент вскочить.

Он остался стоять. Слишком высокий, слишком властный, слишком... всё.

— Мне нужна жена, — произнес он.

Тишина. Бульон булькнул. Где-то в комнате Соня включила мультики.

— Простите?.. — мне показалось, я ослышалась.

— Фиктивная жена. На один год. Ты получаешь полное обеспечение, лучших врачей для сестры, любую клинику мира. Я получаю статус женатого человека и решаю свои... карьерные вопросы.

Он говорил об этом так буднично, словно предлагал купить подержанную машину.

— Вы с ума сошли, — выдохнула я.

— Я в полном рассудке.

— Но почему я?!

— Потому что ты не станешь задавать лишних вопросов. У тебя есть то, что мне нужно, а у меня — то, что нужно тебе. Чистая сделка.

— Я вам никто! Случайная студентка из парка! Вы меня даже не знаете!

— Я знаю достаточно. Ты не сбежала под пулями. Ты бросилась к раненому, рискуя собой. Ты умеешь держать удар и принимать быстрые решения. И еще... — он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то почти человеческое. — Ты не врешь. Совсем. Я это ценю.

Я молчала.

В голове крутилась тысяча мыслей. Предложение было безумным. Абсолютно, категорически безумным.

Но он был прав в одном. Мне нужны были деньги. Отчаянно. Сониная операция, реабилитация, лекарства... Моих подработок не хватало даже на еду, не говоря уже о лечении. Я крутилась как белка в колесе и все равно падала в пропасть.

— Мне нужно подумать, — прошептала я.

— У тебя три дня, — он достал из того же кармана визитку. Белый картон, черные буквы: «Матвей Андреевич Гордеев» и номер телефона. Ни должности, ни звания. — Позвонишь.

Он направился к выходу.

— И, Алиса?..

Я подняла глаза.

— Конверт оставь. Это не плата. Это благодарность. А за жену я заплачу отдельно.

Дверь за ним закрылась.

А я осталась сидеть за столом, глядя на белый конверт и черную визитку, и пыталась понять, в какой момент моя жизнь превратилась в сюжет дурацкого романа.

И самое страшное — где-то глубоко внутри я уже знала, какой будет ответ.

Глава 3. Три дня

Конверт я не трогала.

Он лежал на кухонном столе, белый, плотный, и, кажется, смотрел на меня с неммым укором. Деньги. Большие деньги. Достаточные, чтобы выдернуть нас с Соней из этой бесконечной ямы.

Я подошла к плите, помешала бульон. Остыл. На автомате зажгла конфорку снова.

— Алиса, а кто это был?

Соня стояла в дверях кухни, кутаясь в плед. Бледная, с синяками под глазами, но уже не такая горячая. Она была похожа на одуванчик — тоненькая, светлая, почти прозрачная. В свои восемь она выглядела на шесть.

— Никто, — соврала я. — Иди ложись, тебе еще рано вставать.

— Он высокий. И красивый. Это твой парень?

— Нет у меня никакого парня.

— Жалко. Он мне понравился.

Я фыркнула. Понравился. Господи, Соня всегда видела в людях что-то хорошее, даже если человек на девяносто процентов состоял из стали и льда.

— Он просто приходил поблагодарить. Я ему помогла кое с чем.

— С чем?

— С работой. Давай, марш в кровать, хитрый лисенок.

Соня нехотя поплелась обратно. Я слышала, как скрипнул старый диван в нашей единственной комнате — мы жили вдвоем на двадцати квадратных метрах, и Соня великодушно уступала мне раскладушку, а сама спала на диване. Я говорила, что это неправильно, что взрослая сестра должна спать на диване, а она — на кровати, но Соня упрячилась. «Ты много работаешь. Тебе нужнее».

Восемь лет.

А рассуждает как взрослая.

Я присела за стол, вертя в пальцах визитку. Матвей Андреевич Гордеев. Без должности. Без регалий.

Фиктивная жена.

Звучало как начало плохого анекдота. Зашел как-то генерал ФСБ к студентке и говорит...

Я почти рассмеялась. Почти.

Потому что на самом деле мне было страшно.

Не его. Нет. Я видела его раненого, видела его кровь, видела его стальной взгляд — и он не пугал. Пугало другое. То, как быстро мое сердце забилося, когда он вошел в кухню. То, как я запомнила его запах — дорогой парфюм, лекарства и что-то еще, едва уловимое, мужское. То, как дрогнуло что-то внутри, когда он сказал «ты не врешь. совсем».

Я мотнула головой. Соберись, Ветрова. Это сделка. Бизнес. Ему нужна галочка в личном деле, тебе — деньги на операцию. Никаких чувств. Никаких иллюзий.

Телефон завибрировал. Я глянула на экран — Таня.

— Ты жива вообще? — голос подруги звучал возмущенно. — Третий день молчишь! Я уж думала, тебя на практике до смерти заучили!

— Жива, — я улыбнулась, впервые за эти дни по-настоящему. Таня была моей единственной отдушиной. — Просто завал. Соня болеет.

— Ой, бедная моя... Слушай, а это правда, что в парке была перестрелка? Говорят, кого-то из ФСБ подстрелили. И какая-то девушка его спасла. Прямо как в кино!

Я замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Так весь универ гудит! Кто-то из наших там был? Ты же в том районе живешь...

— Нет, — быстро сказала я. — Ничего не знаю. Я дома была.

— Ну ладно. Смотри, если что — расскажи, это же такая история!

История. Да уж. Если бы ты знала, Таня, какая это история...

Мы проболтали еще минут десять. Таня травила байки про препода по анатомии, я смеялась. Впервые за трое суток стало чуть легче.

Когда я положила трубку, взгляд снова упал на конверт.

Я взяла его. Взвесила в руке. Тяжелый.

Деньги. Возможность. Билет в другую жизнь.

Но цена...

Цена была — я сама. Моя свобода на год. Мое имя. Мой статус.

А если он маньяк? Если это какая-то игра? Если за всей этой красивой историей стоит что-то грязное?

Я разорвала конверт.

Внутри были деньги — много, пачка купюр, я такие только в кино видела. И записка. Всего три слова, написанные твердым, почти печатным почерком:

«Это не плата. М.Г.»

Я пересчитала. Хватило бы на полгода Сониных лекарств. И на хорошего массажиста. И еще осталось бы.

Он знал. Знал, сколько мне нужно. Знал, что я гордая. Знал, что деньги просто так не возьму.

И оставил записку. Три слова. Чтобы я не чувствовала себя купленной.

Умно. Слишком умно.

Я просидела на кухне до двух ночи. Думала. Взвешивала. Представляла Соню — здоровую, бегущую, смеющуюся. Представляла себя — в белом халате, с дипломом, наконец-то вырвавшуюся из нищеты.

А потом набрала номер.

Он ответил после первого гудка. Как будто ждал.

— Я согласна, — сказала я, и голос почти не дрожал. — Но у меня есть условия.

— Слушаю, — его тон был спокойным, деловым. Ни капли удивления. Будто он знал, что я позвоню. Будто всё уже решил за меня.

— Первое. Никакого... интима. Это фиктивный брак. Без супружеских обязанностей.

— Принято.

— Второе. Вы лечите Соню. Лучшие врачи, лучшая клиника. Я хочу присутствовать на всех консультациях.

— Это уже решено. Израильская клиника ждет звонка. Завтра в девять утра с тобой свяжется мой человек.

У меня перехватило дыхание. Вот так просто? Завтра?

— Третье, — я сглотнула. — Моя учеба. Я не брошу медицинский. И вы не будете вмешиваться.

— Не буду. Но охрана — не обсуждается. Ты теперь моя жена, пусть и фиктивная. А моих жен не убивают в темных парках.

— Вашу предыдущую, кажется, убили, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Тишина.

Долгая. Слишком долгая.

— Откуда ты знаешь? — его голос изменился. Стал ниже, опаснее.

— Я... я не знаю. Я просто предположила. Вы говорите о безопасности так, будто...

— Не надо, — оборвал он резко. — Это не твое дело. Никогда. Поняла?

— Поняла, — прошептала я.

Снова пауза. Я слышала его дыхание в трубке — тяжелое, сбитое. Кажется, я задела что-то, о чем нельзя. Что-то, что он прятал глубоко, под слоем стали и льда.

— Завтра пришлю машину, — сказал он уже обычным, сухим тоном. — В десять. Собери вещи. Переедешь ко мне.

— Так быстро?

— А чего тянуть? Ты согласилась. Условия приняты. Сделка в силе.

— А контракт? Бумаги?..

— Завтра подпишешь.

И отключился.

Я осталась сидеть в темной кухне, прижимая телефон к уху, из которого уже неслись короткие гудки.

Завтра. Всё случится завтра.

Я посмотрела на спящую Соню, на конверт с деньгами, на визитку с тремя буквами «М.Г.».

Господи, во что я ввязалась?

На следующее утро я проснулась от звука сообщения. Незнакомый номер. Всего два слова:

«Машина подана»

Я выглянула в окно. У подъезда стоял черный внедорожник — тот самый, из парка. Или такой же. А рядом — двое в штатском.

Моя новая жизнь началась.

Глава 4. Новая жизнь

Черный внедорожник мягко катил по загородному шоссе. За окнами проплывал подмосковный лес — сосны, березы, снова сосны. Соня, закутанная в свой любимый плед с единорогами, спала на заднем сиденье, положив голову мне на колени.

Я не спала. Я смотрела на дорогу и пыталась унять дрожь в пальцах.

Человек за рулем — тот самый, из парка, который потом приезжал вместе с Гордеевым — представился Виктором. Коротко, по-военному. И больше за всю дорогу не сказал ни слова. Только один раз, когда мы выезжали из города, бросил через плечо:

— Матвей Андреевич просил передать: операция для Сони назначена на четверг. Подробности у администратора клиники.

— Уже? — я чуть не подпрыгнула. — Но... это же через три дня!

— Так точно.

Я откинулась на спинку сиденья. Сердце колотилось где-то в горле. Три дня. Всего три дня — и мою сестру начнут лечить по-настоящему. Не в районной поликлинике, не по квоте, которую мы ждали уже полтора года. В частной израильской клинике, куда запись за полгода и где одно обследование стоит как моя годовая стипендия.

Ради этого можно потерпеть.

Ради этого можно выйти замуж за незнакомого человека.

Я убеждала себя в этом снова и снова, пока машина не свернула на неприметную дорогу. Еще километр — и перед нами выросли высокие кованые ворота с камерами по периметру.

— Приехали, — коротко бросил Виктор.

Ворота открылись бесшумно, пропуская нас внутрь.

Я ожидала увидеть дом. Большой, богатый, может быть, даже помпезный — генерал все-таки. Но то, что открылось моим глазам, заставило забыть все ожидания.

Это был не дом. Это была маленькая крепость.

Трехэтажный особняк из темного кирпича и стекла, окруженный высоченным забором. Сосны подступали почти вплотную, создавая естественную стену. У входа — пост охраны, будка, еще камеры. Клумбы с какими-то строгими темно-красными цветами — ни одной ромашки, ни одного одуванчика. Идеальные газоны, подстриженные под линейку.

Красиво. Дорого.

И абсолютно безжизненно.

Виктор открыл мне дверь. Я осторожно выбралась из машины, стараясь не разбудить Соню.

— Сонечку отнесут, — сказал он, заметив мой взгляд. — И вещи заберут. Вас ждут.

— Кто ждет?

— Матвей Андреевич. И персонал.

Персонал. У него был персонал.

Я одернула свою выдавшую виды джинсовую куртку — единственную приличную вещь в моем гардеробе — и направилась к дверям. Сердце стучало где-то в ушах.

Двери открылись прежде, чем я успела к ним подойти.

Холл поражал размерами. Высоченные потолки, мраморный пол, сверкающая чистотой лестница на второй этаж. Минимализм, но какой-то холодный, музейный. Ни одной лишней детали. Ни одного признака, что здесь кто-то живет.

А потом я увидела людей.

Их было четверо. Женщина лет пятидесяти в строгом сером платье — судя по осанке, домоправительница. Мужчина в черном костюме — наверное, дворецкий или что-то вроде того. Еще двое — повар и горничная, как я поняла позже. Они выстроились в шеренгу, как солдаты на параде.

— Добрый день, Алиса, — раздался знакомый голос.

Гордеев спускался по лестнице.

На нем был домашний китель — темно-синий, без погон, но сидел он на нем как влитой. Двигался он уже гораздо лучше, чем три дня назад, но я заметила, как он чуть придерживается за перила. Рана еще давала о себе знать.

— Знакомьтесь, — он остановился в паре шагов от меня. — Это Алиса, моя... невеста. С сегодняшнего дня она здесь хозяйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.